

3. Chase-Dunn C.K. *Global Formation. Structures of the World-Economy.* – Cambridge: Blackwell Publishers, 1989. – 419p.

4. Lenski G., Nolan P., Lenski J. *Human Societies. An Introduction to Macrosociology.* 7th ed, – NY: McGraw-Hill, 1995. – 525p.

5. Wallerstein I. *The Essential Wallerstein.* – NY: The New Press, 2000. – 471p.

Зинченко В.В. Современная глобальная система общества: макросоциальный подход и мир-системный анализ

Осуществлено сравнения концептуальных моделей современной глобальной социальной системы с помощью макросоциального подхода и мир-системного анализа. Эти подходы используют различные критерии оценки социальных систем, поэтому рассматривают современную глобальную социальную систему в разных структурных измерениях. Достижения обеих подходов рассматриваются автором как дополнения друг к другу.

Ключевые слова: глобальная социальная система, автономность общества, государство, власть, мир-система, нация.

Zinchenko, V.V. Modern global system of society: macrosocial approach and world-systems analysis

The modern global social system is a complex and multidimensional system, and the available theoretical models of this social system are incomplete. The conceptual models of the modern global social system, developed within macrosocial approach and world-systems analysis, are compared in the issue. The author comes to the conclusion that these approaches utilize differing criteria of distinguishing of social systems, and as a result, they study the modern global social system in different nevertheless comparable structural dimensions. As a conclusion, it is suggested to apply the achievements of both approaches as complementary

Key words: global social system, autonomousness of society, state, power, world-system, nation

УДК 141.201

Дедеяєва І.П., Ярош Л.В.

Методологічні аспекти філософії історії

Критично розглядаються дві основні моделі структуризації світової історії – лінійна (формаційна) і нелінійна (плюралістично-циклічна). Уточнюється співвідношення фундаментальних понять історичного процесу – розвитку і еволюції, дається методологічна корекція важливої в плані розвитку бінарної опозиції прогресу і регресу.

Ключові слова: розвиток, еволюція, прогрес, регрес.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Дедеяєва І.П., Ярош Л.В.

Методологические аспекты философии истории

Критически рассматриваются две основные модели структуризации мировой истории – линейная (формационная) и нелинейная (плюралистично-циклическая). Уточняется соотношение фундаментальных понятий исторического процесса – развития и эволюции, дается методологическая коррекция важной в плане развития бинарной оппозиции прогресса и регресса.

Ключевые слова: развитие, эволюция, прогресс, регресс.

Уже более чем три столетия центральным дискуссионным вопросом философии истории является вопрос о соотношении общего и особенного в развитии различных обществ и цивилизаций. Этот же вопрос волнует и историческую науку, только в ее терминах он звучит так: существует ли некое единое для всех обществ (при неизбежных местных вариантах) направление развития, или их было несколько? И недавно оформившаяся новая наука культурология снова ставит тот же вопрос, формулируя его как проблему единства и разнообразия (множественности) культур. В наиболее общем виде вопрос сводится к тому, развивались и развиваются ли Запад, т.е. Европа, и Восток, т.е. фактически, весь остальной мир, более или менее одинаково, или между путями их развития существует коренное различие.

Как известно, имеется два альтернативных подхода к решению этого вопроса: линейный (стадиальный или формационный), рассматривающий всемирную историю как единый процесс поступательного развития, когда все общества, цивилизации, культуры раньше или позже проходят определенные стадии развития, и нелинейный (плюралистически-циклический), признающий существование множества оригинальных цивилизаций с собственной самодостаточной историей. Это взаимоисключающие подходы: или один, или другой. Между тем, диалектика рекомендует вместо «или-или» ставить «и». В этой статье предполагается сделать лишь ряд замечаний по отдельным важным пунктам методологического характера.

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что подавляющее большинство пишущих на тему истории исходят из принципа *развития* исторических образований: обществ, формаций, культурных типов и т. п. Однако последние десятилетия отмечены мощным выступлением различных постмодернистских философских концепций, отрицающих само понятие развития, как и другие сопутствующие ему понятия, отмеченные всеобщностью и необходимостью.

Да, есть свой резон у постмодернистов в бегстве от необходимости, в восстании против нее. Только при этом нельзя забывать, что убегающий не свободен, ибо обусловлен тем, от чего убегает. Можно согласиться с ними, что нельзя фетишизировать всеобщее и необходимое, нельзя останавливаться на необходимости, поскольку голая связь необходимости без учета того, как именно связаны различные стороны отношения, не позволяет оптимистически судить об уровне свободы человека. Достаточно ли комфортно чувствуют себя участники того или иного процесса, которые необходимым образом оказываются вовлеченными в него? Есть ли ощущение справедливости того, что с ними происходит? Есть ли у них ощущение свободы в рамках этой необходимости, не подавляет ли одна сторона другую в необходимом для всех отношении? Это главный общественный вопрос, и на него можно найти ответ только через универсальное диалектическое мышление, а не через бунт против необходимости, через шараханье в противоположную сторону, впадая при этом в односторонность. С необходимостью следует считаться, но необходимые отношения необходимо наполнять гуманистическим содержанием, вниманием к человеку, заботой о нем. Задача науки состоит в том, чтобы разработать критерии системы справедливого распределения общественного богатства и, учитывая динамику общества, своевременно корректировать эту систему. Недопустимо такое распределение, при котором одним – верхам, власть имущим, управленцам – всё, а другим – низам, рядовым гражданам, управляемым – ничего.

Только на этом пути человек может вполне реализовать свою вечною мечту о свободе. Здесь имеется в виду свобода в самом широком смысле, в полном её объёме – не только в политическом и морально-правовом аспекте, но и в социальном аспекте, имея в виду материальное положение человека.

Постмодернистская резко полемическая позиция не может не учитываться в философском анализе истории, поскольку в этом восстании есть известный резон, хотя и болезненно заостренный. Подобным выступлениям должно быть отведено скромное место в разумном пространстве, но для гимнастики рассудка они весьма полезны и поучительны.

Это хорошее средство против догматизма, хотя и далеко не самое лучшее, к тому же исторически запоздавшее и чрезмерно претендующее на новизну.

Две опасности исходят от таких доктрин для понимания истории. Во-первых, постмодернизм всю историческую реальность редуцирует к случайности, противопоставляя её необходимости. Как будто случайность на сегодняшний день перестала быть формой выражения необходимости. То есть вместо комплементарных подходов, сочетающих противоположности, на чем настаивает диалектика, предлагается альтернативный приём по принципу пресловутых «или-или», «либо-либо», «не это, а вот это». Во-вторых, призывают к лимитации научно-технического прогресса, то есть требуется поставить цензора, надзирателя над научными разработками, необходимость которых они, видимо, не желают признавать опять-таки по принципиальным соображениям. Утверждают, например, что ничем не лимитированное ускорение научно-технического прогресса приближает человечество не к свободе, а к созданию неведомых прежде средств и способов тоталитарного властвования, контроля и манипулирования людьми. Резко-полемический пафос, характерный для постмодерна, кичливое, нарочито-показное свободолобие в методологическом аспекте с необходимостью ввергают его в односторонность, неизбежными продуктами которого, – как бы это парадоксально не выглядело, – является и догматизм, против которого они справедливо негодовали, и нигилизм в форме современного плюрализма и маниакально-произвольного деконструктивизма, и прочие «прелести», «украшавшие» по ходу истории плоский воинствующий рассудок, маскирующий себя сегодня цветастой и амбициозной риторикой.

Но вернемся к двум моделям понимания исторического процесса – линейной и нелинейной. Вызывает вопросы уже само наличие двух указанных подходов в философии истории. Этот дуализм нельзя считать нормальным явлением. Корень затруднений видится в недостаточно аккуратной расстановке акцентов и не всегда корректного в философском смысле употребления и понимания таких фундаментальных понятий как развитие, эволюция, прогресс, регресс – решающих понятий для рассматриваемой проблематики. Например, понятия развития и эволюции обычно отождествляются и употребляются как синонимы, что не совсем корректно. Это формы изменчивости, но они имеют свои особенности.

Развитие мы наблюдаем как в природе, так и в обществе, и тоже со своей спецификой. Развитие в природе носит исключительно индивидуальный характер. Развиваются лишь индивиды, роды в природе не развиваются. С появлением на планете человека родовое развитие природы прекратилось. Эстафета развития подхвачена человеком, как в индивидуальном, так и в родовом (развитие общества как целого) смысле. В природе березы навсегда останутся березами, а слоны – слонами. В развитии всегда имеется свой финальный, абсолютно конечный пункт. Не бывает развития до бесконечности. Примеры этого приводить нет смысла, они у каждого на виду.

В развитии имеет место предопределенность, так как в развитии мы наблюдаем двоякое состояние: исходный пункт движения, например, в природе зародыш, семя, где в свернутом виде, идеализованно или в виде реальной возможности содержится взрослый организм, который влечется к раскрытию, реализации, и зрелый плод, являющийся итогом, а это,

фактично, той же зародок, з якого починали. Як видно, розвиток характеризується ще і тим, що в ньому початковий і кінцевий пункт руху збігаються, по крайній мірі, по змісту, якщо мати на увазі живу природу, де починаючий суб'єкт, зачаток або зародок і кінцевий пункт, плід по формі хоча і два різних індивіда, але по змісту є одним і тим же. Розвиток в духовній сфері об'єднує початок і кінець не тільки по змісту, але і по формі.

Розвиток, як в природі, так і в суспільстві, завжди здійснюється поступово через ряд ступенів, являючись ступенями зрілості розвиваючого суб'єкта. В природі розвиток зазвичай вимірюють чотирма ступенями, як в рослинному, так і в тваринному світі. А скільки таких ступенів в розвитку суспільства – питання поки відкрито.

Розвиток, як відомо, це рух конкретний, під яким розуміється єдність багатого. Це той самий зачаток або здатність, всі відмінності якого ще абсолютно ідеальні. Таким чином, його зміст суперечливий, так як ідеальна відмінність ще не є справжнім відмінням, але повинна стати таким. Це втягнення до відкриття змісту, до становленню тим, чим зародок є в собі, іманентно йому і характеризується імперативним імпульсом в силу своєї суперечливої природи. Розвиток по своїй суті телеологічний.

Поняття еволюції слід зв'язувати з такими формами руху, які в певній мірі характеризуються безцільністю зміни тієї або іншої системи, а її трансформація обумовлена не стільки дією внутрішнього принципу, скільки впливом зовнішніх факторів. Тому в еволюційних об'єктах немає тієї необхідної-змістової зв'язки між початком і наступними формами (о кінцевій формі тут взагалі говорити не доводиться), яку ми бачимо в разі розвитку.

Якщо розвиток зазвичай визначають як рух від нижчого до вищого, від простого до складного, де, відповідно, має сенс говорити про векторність зміни, то в разі еволюційних змін о його напрямленості говорити проблематично. Але якщо навіть якісь процеси і містять натяк на напрямленість, то в них немає нічого загального з тим, що ми спостерігаємо в розвитку. Одна форма змінливості суттєво відрізняється від іншої.

Еволюційним змінам підлягають всі об'єкти природи, чого не скажеш про розвиток. Далеко не всі розвиваються з того, що рухається, змінюється, еволюціонує. Нижчі, більш елементарні форми змінливості утворюють в своїй сукупності базу, передумову, можна сказати, енергетичний резервуар розвитку як більш високоорганізованої форми змінливості. Однак нижчі, більш елементарні форми руху в певній мірі зберігають своє вплив в тих процесах, які вже характеризуються як розвиток, т.є. як вища форма зміни. Вони лише перестають бути визначальними там, де має місце розвиток, і відступають як би на задній план, в результаті чого стихійність, хаотичність і випадковість перетворюються в більш упорядковану і однозначно напрямлену рух. Гра стихійних сил природи сказується тільки на зовнішньому вигляді розвиваючого суб'єкта і не визначає його суті.

Зробимо ще одне зауваження щодо відмінності між природою і суспільством. В природі, особливо в рослинному світі, весь процес розвитку визначається тим, що міститься в початковому пункті, в зародку. При належних умовах зміст початку розкривається

вільно і без втрат. Практично те ж саме можна сказати і про розвиток в тваринному царстві. А ось з розвитком людини і суспільства все стає значно складніше. Тут зміст початку або потенція суспільства, а також окремого індивіда реалізується свідомо. Між початковою стадією і певним результатом знаходиться людська воля в формі виробу. Це об'єктивно повинно, що мусило б виконати людині відповідно до його потреб і інтересів, іноді виконується їм з протилежною «точністю». В силу цього розвиток в духовній сфері приймає незвичайно багатогранний і цікавий характер.

Звичайно важливим для розвитку, як, зрештою, і для інших процесів, але для розвитку суспільства в особливості, є питання про його умови і передумови. В першу чергу слід сказати про такі духовні передумови, як свідомість і воля. Чи свідомість суспільства сам цей предмет, т.є. зміст і наслідки розвитку, і волею чи волею його виконати. Зовнішньою матеріальною передумовою розвитку суспільства, як показує історичний досвід, є наявність металу в першу чергу, що відкриває можливість для використання всіх інших матеріальних ресурсів планети. Крім того, на розвиток суспільства впливає географічна середовище і кліматичні умови. Історія свідчить, що внесок в розвиток земної цивілізації народів, що населяють регіони планети з екстремальними температурними параметрами (крайній північ і південь), помітно скромніше, а іноді і просто неіснують з досягненнями європейської цивілізації. Відповідно, тезис про розвиток всіх народів далеко не очевидний, розвиток розвитку – різний.

Більше того, сучасній науці відомі факти свідомого і повного блокування власного розвитку окремими суспільствами за допомогою спеціально розроблених соціальних механізмів. Відомий французький етнолог Леви-Строс описує подібні феномени з життя індіанських племен, що проживають в басейні Амазонки. В силу чого Леви-Строс в своїй антропологічній концепції поділив всі суспільства на гарячі, то є ті, що розвиваються, і холодні, які відмовилися від розвитку. Це досягається зазвичай шляхом заборони використання металу. Ібо ці люди добре віддають собі рахунок, що використання металу веде до технічному прогресу суспільства, а це неіснують втягнення за собою соціальну диференціацію і, відповідно, соціальне нерівність з усіма витікаючими звідси мерзотами експлуатації людини людиною. Це означає смерть родових відносин, кінець патерналистської психології і перехід до політичної форми організації життя суспільства, то є до держави. Добре це або погано – окреме питання. Можна сказати, сама історія вже давно дозволила це питання і зовсім не в користь образу життя індіанців. Це крайня ситуація, яку можна було б вважати історичним курьозом, але вона показує, що життя суспільства автоматично не означає його розвитку, по крайній мірі, його матеріальної складової.

Вважається, що духовний розвиток людини не зупиниться ні при яких обставинах. Навіть незвичайно повільно, але духовне зрілість людей рано або пізно приведе їх до свідомості, коли вони фізично почують удушся від сковуючих їх заборон на матеріальний технічний прогрес, і всі перешкоди рухнуть в той же мить.

Но это только гипотетическая ситуация. Реально же эти общества живут в постоянном контакте с цивилизованными народами, и под влиянием последних сколько-нибудь долго продержаться подобным этносам не удастся, их судьба предрешена. И все-таки, присматриваясь к подобным ситуациям, нам отчетливее видится ведущая роль духовного фактора в жизни людей.

Образ жизни людей из тропических джунглей – географически и каменного века – исторически, который Леви-Строс называл золотым, так как люди там, по его мнению, живут счастливо и без печали и именно потому, что у этих первобытных людей нет ничего кроме их самих, противоречит фундаментальному предназначению человека реализовать все свои потенции. Поскольку последние, будучи противоречием – неразличным, идеализованным различием – перманентно и императивно будут побуждать человека к деятельности и реализации своего «Я».

Человек обязан исторически отнять у природы все ее секреты. Последним выражением его дерзновенных устремлений должно стать желание воспроизвести технологически весь путь движения природы от безжизненного и бессознательного состояния к живому, а затем и мыслящему существу, самому в сжатом очерке технологического процесса выразить всю марафонскую дистанцию игры стихийных сил природы на протяжении всей её истории. Это грандиозно, но почему-то говорят, что со временем люди становятся богами. Человек и в самом деле является существом космического масштаба. Предназначение человека в его познавательной и технологической экспансии. И этого нельзя остановить, а тем более предотвратить. Только после этого человек уже больше не захочет сказать, что у него есть еще дома дела. И тогда нашим потомкам не останется ничего другого, как только оправдать самые смелые эсхатологические ожидания. Вселенная спокойно регистрирует скорей всего яркий суицидный финал очередной планетарной цивилизации. Космический финал станет нашей лебединой песней в родовом масштабе. Можно не сомневаться, что яркий финал нашей цивилизации в тот же момент станет отправным пунктом зарождения активного начала в какой-то точке вселенной, чреватого теми же последствиями.

Важен для нас вопрос и о темпах развития того или иного общества – они могут заметно отличаться. Это связано как с внешними условиями, климатом, географической средой, так и с целеустремленностью народа. Но решающее значение для самого факта развития общества, а также его темпов, т.е. количественной стороны, имеет свобода человека. Именно со свободой индивида мы должны, прежде всего, связывать возможность развития. История показывает, что восточные народы со своими деспотическими режимами были менее свободны, чем западные. Отчего и развитие, культурные достижения мы связываем главным образом в древности с греко-римской цивилизацией, а в новое время с западноевропейскими народами.

В этой связи здесь уместно вспомнить об оценке Гегелем исторической ситуации, когда на Востоке (Китай, Индия, Персия) им отмечается свободным только один – деспот, в греко-римской культуре свободны некоторые (в аристократиях) и многие (в демократиях), и только в германской культуре свободны все. Это глубокая и точная историческая оценка, связывающая развитие с уровнем свободы людей в обществе. Где мало свободы, там развитие проблематично. Подлинное развитие

и начинается только в новое время с наступлением капиталистической эры. Здесь человек получает полную свободу в политико-правовом аспекте. Упраздняются все политические привилегии, крепостнические элементы принудительного отношения к труду, вассальная зависимость. Возрождение и Реформация в Европе существенно ослабили религиозно-идеологическое давление на науку и образование, что открыло простор для научно-технического прогресса с постоянно нарастающими темпами. Отсюда и идеология европоцентризма, у которой есть свои основания. Эта идеология не беспочвенна, не надумана, она зиждется на наиболее впечатляющих достижениях за всю человеческую историю. Потому неубедительно смотрятся аргументы приверженцев цивилизационной модели о равноценности культур.

Да, все культуры, цивилизации самодостаточны и самобытны – спора нет. Но это мало о чем говорит. С точки зрения духовной способности как таковой, если не придерживаться расистской идеологии, шансы, абстрактно говоря, у всех народов действительно равны. Но реальные обстоятельства, в которых приходится жить народам, существенно различаются, о чем выше кратко говорилось. Поэтому разные культуры занимают разные места на шкале прогресса: одни застряли при всей своей самобытности и самодостаточности в каменном веке до сих пор, а другие шагнули в атомную и информационную эру, а между этими крайностями масса оттенков, их смыкающие. Где замедляется, а тем более останавливается развитие общества, там в тот же момент выступают на передний план низшие принципы, эволюционные механизмы, главным содержанием деятельности которых становится адаптация к геополитическим обстоятельствам, внешним условиям существования. Эти системы пассивны, они сами не продуцируют нового, а лишь реагируют на него в тех случаях, когда оно появляется у других. Они могут имитировать других, подражать, заимствовать. Их историческое продвижение по пути прогресса совершается более медленными темпами. И только грозные реалии XX века пробудили дремавшие народы Востока и заставили их активизироваться, что лишь подтверждает тезис о неравноценности различных культур.

Таким образом, развитие исторически следует связывать с европейскими народами. На современном этапе – с евроатлантической культурой, активно высвобождающей все свои силы и способности. В отношении других народов скорей можно говорить не о развитии, а об их эволюции, где в силу различных обстоятельств, о которых мы выше кратко говорили, творческая активность этих народов в недалёком прошлом колебалась в районе нулевой отметки, а многие и теперь остаются там же.

Структуризацию истории, выделение четких более или менее стадий мы должны связывать с развитием общества. Если же в жизни социума преобладают эволюционные изменения в силу ограниченности их свободы, поступательный ход его становится аморфным и невыразительным. Для истории это не показательно, так как такие общества оказываются на периферии культурного прогресса. Их собственные культурные достижения значительно уступают передовым образцам. Подобные общества в своей истории, правда, проходят через романтический период, пусть и не продолжительный, как через период своего расцвета, и тогда их достижения бывают заметно ярче, на уровне своего времени.

Иногда некоторые ученые уподобляют историческое движение народов природным циклам, упуская из вида специфику жизни общества

как духовного образования. Это происходит потому, что многие этносы, хотя и проходят период своего расцвета (романтический период), все же оказываются при этом неспособными преодолеть порог свободы и вскоре после этого теряют свежесть красок своей романтической юности и уходят в тень истории. Их романтический порыв не был работой их принципа как принципа развития и свободы, но вспышка их энергии была вызвана энтузиазмом юности, которая вскоре угасает с появлением первых признаков зрелости: с появлением разочарования у широких масс от чрезмерных и утопических ожиданий. Жизнь всегда отрезвляет. Принцип развития истории так и не стал исторически для таких народов принципом их жизни.

Следует заметить, что на первых порах принцип развития в обществе проявляется стихийно как влечение и побуждение к деятельности в людях. Вся целесообразная деятельность на этом этапе направлена на решение частных задач, вызванных частными потребностями и интересами. Позже он осознается и принимает форму самоцели в деятельности человека у наиболее продвинутых обществ.

Признавая природу, общество развивающимися, мы не можем не говорить и о степенях зрелости того, что развивается. Выше было отмечено, что изменчивость в форме развития характеризуется ступенчатостью или стадийностью. Исторически мы встречали разные варианты решения этого вопроса. В различных версиях количество ступеней, стадий или периодов в процессе развития общества фигурирует от двух и до десяти. Для периодизации истории можно воспользоваться марксистским термином «формация», ибо термин – дело условное. В этом вопросе важно указать критерий структуризации истории. За такой критерий следует принять меру или уровень свободы человека.

В целом стадий в развитии общества с точки зрения избранного критерия просматривается четыре. Первой ступенью объективно должна быть отмечена доклассовая формация или родовой строй общества, когда еще не возникла социальная дифференциация общества, классовое расслоение. Деятельность всех подчинена интересам рода. На этой стадии еще отсутствуют предпосылки для обособления индивида и его деятельности. Индивид и род непосредственно слиты воедино. Значение свободной индивидуальной деятельности здесь минимально.

Вторая стадия наступает с возникновением социального расслоения и политической формы организации общества, т.е. государства, с элементами рабовладения. Но здесь появляются и свободные граждане. Это античный мир греко-римской культуры. Здесь еще не осознан принцип свободы личности. Свободный рождается лишь от свободного. На более ранних этапах рабовладения жизнь раба не была защищена законом.

Рабство ослабевает с наступлением феодальной формации, принимая форму крепостной зависимости, где крепостных уже не разрешено лишать жизни. Их жизнь защищена законом. Все условия жизни людей в пределах этой формации позволяют говорить о нарастании и расширении свободы. Вместе с тем на этом этапе темпы развития общества были не адекватны новой эпохе из-за чудовищного гнета религиозной идеологии. В духовном отношении античный мир язычества был свободней христианской эпохи средневековья. Таковы неровности истории.

Крепостные отношения преодолеваются с выступлением на авансцену истории капиталистической формации, где все аспекты политической за-

висимости и неравенства, возведенные в закон, упраздняются. Поскольку с наступлением капитализма убраны все политические преграды, ограничивавшие свободу человека, постольку развитие общества по формациям достигло в этом отношении своей полной зрелости, и оно прекращается. Дальнейшее движение общества в плане его социально-политической трансформации следует расценивать как эволюционные изменения, обусловленные развитием всех других составляющих социума: науки, техники, производства, всех элементов гражданского общества, самоорганизации и самоуправления. Совершенствование, шлифовка и доводка всех деталей этой модели будет продолжаться до всех возможных пределов существования самого общества.

Дополнительную аберрацию философской рефлексии часто вызывает некорректное с точки зрения диалектики понимание таких составляющих понятия развития как прогресс и регресс. Традиционная трактовка этих понятий не выходит за пределы чувственного в своей основе представления. В повседневном сознании с прогрессом принято связывать успех, достижения в различных областях человеческой деятельности, с регрессом же, напротив, – потери, утрату и, в этом смысле, – откат назад как в материальной, так и в духовной сферах.

Однако философия, предметом которой является всеобщее и необходимое, не должна связывать себя с подобными частностями. Это дело частных наук – отслеживать все перипетии реальной жизни. Судя по всему, именно такое понимание природы прогресса и навяло авторам так называемой линейной философии истории подобный образ. Очень проблематично представить развитие как единство прогресса и регресса в виде прямой линии. В философии речь может идти только о единстве прогресса и регресса в одном и том же отношении. В обыденном же представлении сначала должен следовать прогресс в определенное время, а затем в другое время может быть и регресс, а может, видимо, и не быть или не всегда быть. Философия не допускает относительно своего предмета подобной вольности.

Если мы согласны понимать историческое движение как развитие с его поступательным и ступенчатым характером, хотя в обществе это проявляется менее четко, чем в природе, что, конечно не принципиально, то следует более строго отнестись к методологическим требованиям диалектики необходимым образом сочетать противоположности. В нашем случае – это такая бинарная оппозиция как прогресс и регресс в качестве моментов процесса развития.

В философском понимании прогресс и регресс проявляются одновременно и в одном и том же отношении. Не бывает прогресса без регресса, продвижения вперед, к высшему без возвращения назад, к низшему. Когда в процессе развития совершается продвижение от одной нижней ступени к другой более высокой и зрелой, то это движение вперед от низшего к высшему, от простого к более сложному, более определенному есть прогресс, но вместе с тем это есть и регресс. Потому как то, что полагается под новой формой, по своему содержанию есть то, что уже было в основании в свернутом виде, идеализованно, в виде способности. А поэтому движение вперед, прогресс оказывается вместе с тем и возвращением назад к основанию, т.е. регрессом. В развитии содержание не изменяется, оно представляет собой момент непрерывности; в развитии изменяется лишь форма, момент дискретности. Форма существенна для

содержания как внутренняя форма, так как теперь реально полагается то, что раньше существовало лишь как возможность. Эта логика сохраняется до полного развития, которое по своему рисунку оказывается возвратно-поступательным движением, образующим собой большой круг, на периферии которого находится ряд малых кругов. Это своего рода спираль, замкнутая на самое себя, змея, кусающая свой собственный хвост.

Таким образом, развитие как единство прогресса и регресса есть необходимое продвижение по ступеням зрелости, количество которых всегда строго определено. В обществе критерием зрелости каждой общественной формации как ступени развития является уровень свободы его граждан, выражающийся в их духовных и материальных достижениях. Потому диалектику прогресса и регресса следует связывать с необходимой поступью по ступеням зрелости в процессе развития общества, а не с элементами успеха или неудачи на эмпирическом уровне, ибо это отдельный вопрос. Да и диалектика прогресса и регресса в процессе развития мало чем, как выше было показано, напоминает прямую линию. Ввиду этого модель структуризации мировой истории как истории развития, связанная с образом прямой линии, сомнительна. Столь же мало привлекательна и другая модель – нелинейная или плюралистично-циклическая как антитеза линейной концепции. Признание множественности и самодостаточности цивилизаций без акцентации уровня свободы её граждан нивелирует историю в аксиологическом смысле. К тому же отдельные сторонники этой концепции порой впадают в натурализм, неоправданно уподобляя развитие общества природным циклам, чем редуцируют общественное к естественному, стирая их специфику. Без диалектики нет философии, нет науки. Можно сказать, что в каждой науке столько науки, сколько в ней диалектики.

Dedyayeva, I.P., Yarosh, L.V. Methodological aspects of philosophy of history

Two basic models of structurization of world history – linear and nonlinear (plural-cyclic) are critically considered. The parity of fundamental concepts of historical process – developments and evolutions is specified, methodological correction important in the plan for development of binary opposition of progress and recourse is given.

Key words: development, evolution, progress, recourse.

Проблеми світоглядної свободи особистості в Україні

Розширено уявлення щодо понятійної конструкції «світоглядна свобода особистості», розглядається сутність та атрибути світоглядної свободи особистості. Виокремлюються проблеми усвідомлення та реалізації світоглядної свободи особистості в сучасному українському суспільстві.

Ключові слова: світогляд, свобода, особистість, світоглядна свобода особистості, українське суспільство.

Актуальність теми дослідження обумовлена прагненням сучасної людини осягнути сутність світоглядної свободи як важливого чинника протікання соціальних процесів і власної життєдіяльності.

Активні глобалізаційні процеси у світі, в тому числі і в Україні, сприяють корінному перегляду місця та ролі особистості в суспільстві й державі. Всі ці перетворення знайшли відображення у повсякденному житті сучасного українця, підсиливши значущість його світоглядної свободи. Однак через відсутність науково-методологічної бази щодо зазначеної теми виникають певні труднощі щодо усвідомлення та реалізації світоглядної свободи. Існує наукова невизначеність поняття «світоглядна свобода». Недостатньо дослідженим є питання розмежування понять «світоглядна свобода» та «свобода совісті».

Методологічно цінними для розкриття поставленої проблеми, що заслуговують на особливу увагу, є праці науковців Інституту філософії імені Г.С.Сковороди НАН України – М.В.Поповича[1], В.В.Ляха, В.С.Пазенка, К.Ю.Райди[2], Н.В.Хамітова[3]. Різноманітні аспекти дослідження поставленої проблеми висвітлені також в працях Л.Д.Кривеги[4], Л.А.Подольняк[5] та ін.

Незважаючи на значну кількість праць, які тією чи іншою мірою пов'язані з дослідницьким арсеналом теорії світоглядної свободи особистості, донині вкрай малочисельними є фундаментальні соціально-філософські дослідження вітчизняних дослідників, щодо поставленої проблеми. Проте дослідження попередників становлять значний інтерес для здійснення комплексного соціально-філософського аналізу світоглядної свободи сучасної особистості.

Відповідно до цього, існує потреба комплексного дослідження світоглядної свободи особистості, осмислення й реінтерпретації її в якісно новій ситуації, у контексті сучасного світоглядного виміру. Таке осмислення дозволяє не тільки визначити підходи до розуміння феномена світоглядної свободи особистості, але й систематизувати накопичені про неї знання й практичний світовий досвід, сформулювати на основі уза-